УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА—
ДВОРЕЦ КНИГИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЩЕСТВА КНИГОЛЮБОВ

Ж. А. Трофимов

Д. Д. МИНАЕВ И СИМБИРСК

Саратов
Приволжское книжное издательство
Ульяновское отделение
1989

УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА—
ДВОРЕЦ КНИГИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЩЕСТВА КНИГОЛЮБОВ

Ж. А. Трофимов

Д. Д. МИНАЕВ И СИМБИРСК

(Документальный очерк)

Саратов
Приволжское книжное издательство
Ульяновское отделение
1989

ББК 63.3 (2) 722.78
Т 75

Рецензент: преподаватель Ульяновского пединститута М. Матлин.

Трофимов Ж. А.

Д. Д. Минаев и Симбирск. — Саратов: Приволж. кн. изд-во (Ульян.
Т 75 отд-ние), 1989.—50 с.

По заказу Ульяновского Дворца книги им. В. И. Ленина.

Документальный очерк о жизни и творчестве поэта-сатирика Д. Д. Минаева.

Т $\frac{1304010000\text{-}000}{153\ (03)\text{-}89}$ 13-89

ББК 63.3 (2) 722.78

ISBN № 5—7633-0013-0

Сто лет назад, 10 (22) июля 1889 года, в небольшом домике Нижне-Солдатской улицы на 54-м году жизни перестало биться честное сердце выдающегося публициста-искровца, поэта некрасовской школы, «короля рифмы» Дмитрия Дмитриевича Минаева.

Его жизнь и деятельность тесно связана с Симбирском: в этом волжском городе он родился, здесь прошла большая часть его детства и юности, двухлетняя служба в местной казенной палате, сюда он приезжал из Петербурга на побывку к родным, и, наконец, в Симбирске прошли последние два года его жизни, и покоится рядом с могилой отца-поэта его прах. Имя Д. Д. Минаева носит одна из центральных улиц Ульяновска, мемориальной доской увековечен дом, где поэт жил и творил в 1887—1889 годах.

Лучшие произведения Дмитрия Дмитриевича время от времени издаются в наши дни. Однако сколько-нибудь полной биографии поэта пока еще нет. В настоящем документальном очерке предпринята попытка раскрыть одну из сторон жизни и деятельности Минаева — его пребывание в родном городе, связи с ним, а также отражение симбирской темы в его творчестве. Особое внимание уделяется последнему периоду жизни в Симбирске — трагическому и богатому «белыми пятнами».

Хочется надеяться, что очерк побудит ульяновских литературоведов и историков к более углубленному изучению жизни и творчества Д. Д. Минаева, а ревнителей охраны памятников культуры — к более бережному отношению ко всему, что связано с его именем в нашем городе.

Род Минаевых уже в конце XVIII века значится приписанным к «дворянству военному» Симбирской губернии. Однако он не являлся исконно здешним и первый его представитель—Иван Матвеевич Минаев (дед поэта-сатирика), происходивший «из солдатских детей», прошел долгий и трудный путь, прежде чем стал дворянином. Шестнадцать лет он тянул солдатскую лямку в Рязанском карабинерском полку. Сметливость и грамотность помогли ему за первое десятилетие службы выбиться в сержанты, а за последующее — уже в Оренбургском драгунском полку — стать поручиком, а, следовательно, и дворянином. За эти 20 лет службы ему довелось повидать многие места России. И только назначение в 1793 году в Симбирскую губернскую роту сделало Ивана Матвеевича симбирянином. Здесь он женился на Ирине Ивановне Карташовой, дочери купца-садовода, и закончил службу в армии. Пенсия оказалась мала и он занял скромную должность секретаря губернского депутатского собрания.

1 ноября 1807 года в семье Минаевых родился сын Дмитрий. По окончании местной мужской гимназии (в то время— четырехклассной) он, по семейной традиции, был определен на военную службу. Первые три года юноша состоял в учебном саперном батальоне в Петербурге, а после выпуска, в 1826 году, прапорщиком был назначен в 3-й морской полк. По делам службы он бывал в Риге, Белостоке. В общей сложности Дмитрий Иванович пробыл на строевых должностях семь лет. В самый канун 1834 года он в чине подпоручика перевелся на родину, в Симбирский батальон военных кантонистов.

По характеру Дмитрий Иванович был добрым человеком, увлекающейся и романтической натурой. Когда ему приглянулась 18-летняя Елизавета Ивахниевна Зимнинская, девушка из знатной дворянской семьи, то он отважился на отчаянный поступок: тайно от родных увез любимую в подгородное село Вырыпаевку и обвенчался с нею в тамошней церквушке... Умыкание невест — не такое уж обыденное дело для симбирского края, и можно себе представить, как бурно обсуждало общество из ряда вон выходящее становление семьи Минаевых. Со временем все постепенно более или менее нормализовалось и Елизавета получила в приданое небольшое имение с 44 крепостными в Карсунском уезде.

В самом же Симбирске молодая чета жила в минаевском одноэтажном деревянном доме, находившемся на левой сто-

роне Московской улицы (если идти к Свияге), невдалеке от Богоявленской церкви. Здесь 21 октября (2 ноября) 1835 года у Минаевых родился первенец. Мальчика нарекли Дмитрием, ибо он, как и отец, родился в день, близкий к отмеченному в святцах празднику великомученика Дмитрия Солунского.

Через месяц после этого радостного события поручик Д. И. Минаев, как сказано в приказе, «по домашним обстоятельствам» уволился со службы. Но не окончательно. В 1837 году в семье прибавилась девочка, которую назвали в честь матери Лизой. Жизнь дорожала, а доходы с имения не обеспечивали прожиточного минимума, и летом 1838 года Дмитрий Иванович становится чиновником Симбирской комиссариатской комиссии — ведомства, занимавшегося снабжением армии обмундированием, обувью и другой амуницией. Должность считалась «доходной», но Дмитрий Иванович был тем редким бессребреником, который привык довольствоваться законным жалованьем.

Материально Минаевы жили скромно. Но без преувеличения можно сказать, что это была одна из самых высокообразованных семей Симбирска. У них была прекрасная библиотека, составленная из лучших произведений русских и европейских авторов. Дмитрий Иванович тонко знал не только литературу, но и живопись. Он собрал довольно большую коллекцию картин известных мастеров и сам недурно рисовал, большею частью на сюжеты из истории Древней Руси. По свидетельству его друга князя В. И. Баюшева, Дмитрий Иванович, «владея хорошей кистью, написал масляными красками картину, изображающую его венчание в сельской церкви, которую знатоки находили написанной весьма искусно; писал много и других картин, и между занятиями по службе... занимался и литературой».

Старину он любил с юных лет и знал прекрасно. Досконально изучил быт, нравы, обычаи, поверья и легендарные сказания простонародия, его склад речи и в совершенстве владел чисто русским языком. И не было почти такого дня, когда бы Дмитрий Иванович не садился за письменный стол и не положил бы на бумагу новые стихи.

Первые его произведения появились в альманахе Нестора Кукольника «Новогодник», вышедшем в 1839 году. Это были: «Дума на Волге», «Песня», «Роза и соловей», «Романс», «Иванов цветок», «Гонец», «Фантазия» и «Ночная прогулка». Дебют оказался удачным. Даже В. Г. Белинский

отнесся к пробам пера неизвестного доселе поэта с одобрением. «Не богат «Новогодник» стихотворениями, даже, можно сказать, утвердительно, что очень, очень беден ими, — писал «неистовый Виссарион», — но тем с большим вниманием остановились мы на восьми стихотворениях нового поэта, г. Минаева. Во всех них проглядывает если не талант, то что-то похожее на талант, борющийся с фразерством», а в «Ивановом цвете» — «решительный талант, хотя еще и не совсем овладевший самим собой». Критик «Отечественных записок» нашел, что «все эти стихотворения носят на себе печать свежего, замечательного дарования», и в них проблескивают «искры редкого таланта, который со временем может развиться пышным цветом. Такое явление, как стихотворения г. Минаева, может вселить самые отрадные надежды».

Успех окрылил Дмитрия Ивановича, но не вскружил голову, и он не спешил отдавать новые стихи. Когда же они время от времени появлялись в столичных журналах и сборниках, то отличались, по словам современника, теми же достоинствами: звучностью, искренностью, теплотою и яркостью. В них отражались, то большая вдумчивость поэта, его впечатлительность, привычка к созерцательности, то бодрящая удаль и тихая грусть. Но мало-помалу Дмитрий Иванович оставил работу над отдельными небольшими стихами и отдался кропотливому труду над переложением «Слова о полку Игореве».

Между тем служебные обстоятельства сложились так, что зимой 1839—40 года он вместе с В. И. Далем участвовал в походе оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского на Хиву. А летом 1841 года Дмитрий Иванович стал смотрителем военного госпиталя в Оренбурге. Какое-то время находилась там вместе с ним и семья, но с лета 1844 года Минаевы вновь обитают в Симбирске.

В эту пору началось целеустремленное учение детей, и Дмитрий Иванович пригласил заниматься с Митей и Лизой гимназиста-старшеклассника Гавриила Никитича Потанина (будущего автора антикрепостнического романа «Старое старится, молодое растет», напечатанного с помощью Н. А. Некрасова в «Современнике»). Потанин вспоминал: «В это время Дмитрий Иванович был весь занят переводом известной его поэмы «Слово о полку Игореве». Случалось частенько, что он встречал меня на крыльце веселый и довольный: это значит, он в это утро перевел что-нибудь удачно. И вот поэт

в это время совсем забывает, что я прозаик пришел учить его детей, торжественно вводит меня в гостиную, где он постоянно писал, восторженно и почти повелительно говорит: «Садитесь и слушайте!!» и тут же берет со стола бумагу, исписанные листы, и начинает бесконечно читать свои стихи. Читал он громко, торжественно, баритоном, как у нас тогда читал только один Гнедич свою «Илиаду». А Митя вместо противной арифметики тут же прижмется к отцу, сидит, слушает, часто в восторге кричит: «Хорошо! или, указывая в бумагу отцу, прибавит: «А это место, папа, очень хорошо!».

Очень симпатичной женщиной и поэтичной натурой была жена Дмитрия Ивановича Елизавета Ивахниевна. Она, как и муж, боготворила романтическую поэзию, которая воспевала только истинно доброе, прекрасное и великое. В совершенстве зная несколько иностранных языков, она читала серьезную научную литературу, мастерски играла на рояле, умело вела хозяйство и превосходно исполняла все изящные женские работы. Елизавета Ивахниевна была брюнетка, хороша собой, и Митя, по словам Потанина, был удивительно похожим на мать, красивым мальчиком.

Отец и мать Мити по натуре были людьми добрыми, своих «красных деток» очень любили, не жалея времени терпеливо объясняли непонятное и стояли за «вольнолюбивый курс» их обучения. Поэтому Г. Потанин, пылкий поклонник творчества Дмитрия Ивановича, снисходительно относился к шалостям Мити на уроках и часто шел на поводу у него. Если занятия арифметикой, латынью или греческим надоедали мальчику, то учитель разрешал ему «болтать свои истории, священную, российскую, естественную», или торжественно читать стихи, как читал его отец.

Дмитрий Иванович страстно любил кормилицу и красавицу Волгу. Г. Потанин вспоминал: «Помню, как часто он стоял на Венце, глубоко задумавшись и созерцая наши прелестные узорные острова, озера и те гривки, которые намываются весной. Помню, как при его скудных средствах Минаев заказал известному тогда пейзажисту Лагорио две большие дорогие картины той же любимицы Волги; как восторгался он, когда их получил, и как грустно смотрел на них, когда по немочи, или непогоде ему долго не удавалось сходить на любовницу посмотреть».

Лето 1847 года стало важным рубежом в жизни Мити: в связи с назначением отца смотрителем Измайловского магазина (интендантского склада) семья переехала в Петербург.

Потанин же, к которому он так привык, перебрался в Самару, где получил место учителя русского языка в уездном училище.

Еще в Симбирске отец решил, что по приезде в столицу поместит сына в Дворянский полк, в котором сам в молодости прослужил около года. В этом сугубо сословном и закрытом военно-учебном заведении учились в основном выпускники провинциальных кадетских корпусов, а из ребят 10—12-летнего возраста комплектовались младшие группы. Порядки в полку были строгие, и за проступки наказывали розгами даже генеральских сынков, а за особо серьезные — отправляли солдатами в строевые части.

Вместе с тем преподавательские кафедры здесь замещались лучшими профессорами: математику читал М. В. Остроградский, физику — Э. Х. Ленц, химию — В. Ф. Петрушевский, а историю русской словесности — Иринарх Иванович Введенский, один из самых ярых последователей В. Г. Белинского. Введенский познакомил воспитанников не только с литературой отечественной, но и всей Западной Европы. Благодаря ему герценовские «Записки доктора Крупова» и «Кто виноват?», гончаровская «Обыкновенная история», тургеневские «Записки охотника» у воспитанников были нарасхват. Введенский так увлек молодежь литературой, что наиболее одаренные юноши занялись собственным творчеством. И как был доволен профессор, когда на одной из лекций ученики преподнесли ему свой рукописный журнал со стихами Василия Курочкина, повестью Дмитрия Минаева и критической статьей Александра Миклашевского.

Дружба с Василием Курочкиным дала Дмитрию многое. Как старший по возрасту (на четыре года) и по учебе (в Дворянском полку он находился с 1841 года), Курочкин защищал Митю от придирок великовозрастных кадетов, а, главное, снабжал книгами, охотно делился опытом литературного творчества, знакомил с достопримечательностями Петербурга. Василий познакомил Дмитрия со своим братом Николаем — студентом медико-хирургической академии, тоже увлекавшимся поэзией. Такими товарищами можно было гордиться. Это понимали отец и мать Дмитрия и гостеприимно принимали у себя дома братьев Курочкиных, других его знакомых.

Вообще квартира Минаевых была своеобразным литературным салоном для близких по духу людей. В их числе Дмитрий видел петрашевцев А. П. Баласогло, С. Ф. Дурова,

А. И. Пальма. В свою очередь его родители довольно часто бывали у профессора И. И. Введенского, где общались с видными литераторами, историками и, между прочим, познакомились со студентами университета Н. Г. Чернышевским и Г. Е. Благосветловым. Дмитрий Иванович даже на таком фоне выделялся антиправительственными настроениями. Однажды, осенью 1850 года, это проявилось особенно сильно, и Н. Г. Чернышевский записал в своем дневнике, что Минаев «рассказывал о жестокости и грубости царя и т. д. и говорил, как бы хорошо было бы, если бы выискался какой-нибудь смельчак, который решился бы пожертвовать своей жизнью, чтобы прекратить его... Под конец читали Искандера (А. И. Герцена — Ж. Т.)».

Молодому Чернышевскому понравилась решительность минаевских суждений и он проникся к Дмитрию Ивановичу большим уважением. В свою очередь, Минаеву пришлась по душе энциклопедическая образованность студента-волжанина, его преданность освободительным идеям Белинского и Герцена, горячее стремление содействовать процветанию отечества. Знакомство между ними значительно окрепло в марте 1851 года.

Дмитрий Иванович, чудом избежавший репрессий по делу петрашевцев, предпочел перевестись по службе в Симбирск. В это время в Петербурге оказался старый близкий знакомый Николай Александрович Гончаров — учитель русского языка симбирской мужской гимназии (родной брат автора «Обыкновенной истории»), с которым он и решил поехать, пока без семьи, на родину. Как водится, земляки и скооперировались для совместного путешествия на перекладных. Когда об этом узнал Н. Г. Чернышевский, получивший назначение старшим учителем словесности в Саратовскую гимназию, то он, естественно, воспользовался приглашением Минаева и Гончарова ехать в одной повозке.

Выехали они втроем из Петербурга 12 марта, пока еще не началась распутица, и до Симбирска (через Москву, Нижний Новгород и Казань) добрались относительно быстро. «Дорогою все рассуждали между собою о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии (я в духе Штрауса и Фейербаха), — записал в дневнике Чернышевский. — Д. И. Минаев показался мне человеком еще лучше того, чем раньше — человеком с светлым умом и благородною душою; я имел на него, как кажется, довольно большое влияние своими толками о Штраусе и коммунизме, — он те-

перь причисляет себя к коммунистам, хотя, может быть, и не понимает хорошо, куда они хотят идти и какими путями».

В Симбирск они добрались на двенадцатый день путешествия — 23 марта. Дмитрий Иванович или уже не имел в городе собственного дома или сдавал его по договору, а квартира Гончарова в гимназическом доме была мала для приема гостей с ночлегом. В номерах Барыкина, Мейер, Викулова, Валуева или Сухова комната бы нашлась, но Дмитрий Иванович недолюбливал столь шумные и нетрезвые общежития и вместе с Чернышевским устроился у одного знакомого и коллеги титулярного советника Н. Е. Андреева, казначея комиссариатской комиссии.

Выбор Минаева пришелся по душе Николаю Гавриловичу, который записал в дневнике: «Остановились у Николая Ефимовича Андреева, человека маленького, худого, истощенного, с петербургским цветом лица, напоминающего всем и себе — и цветом лица, и профилью, и голосом, и манерами — весьма благочестивого человека. Он говел, мы приехали в пятницу в 3 часа и расстроили его говение. Вечер провели в разговорах, большею частью в известном демократическо-социалистическом духе».

Судя по всему, разговор в таком духе велся в компании из трех человек, иначе дело могло кончиться худо. В феврале прошлого года в одной из гостиниц Симбирска был схвачен жандармами друг А. И. Герцена Н. П. Огарев, который обвинялся в «причастности к коммунистической секте». С тех пор, по свидетельству литератора П. В. Анненкова, находившегося в это время в Симбирске, террор проник во все «пункты общества». Даже новому губернатору князю П. Д. Черкасскому, прибывшему сюда с намерением искоренять злоупотребления и взяточничество, с трудом удавалось разоблачать интриги губернского прокурора Р. П. Ренненкампфа, опиравшегося на крайних крепостников.

Дмитрию Ивановичу потребовалось пробыть в Симбирске для устройства неотложных дел три дня. А за это время тракт так испортился, что почтмейстер посоветовал Минаеву и Чернышевскому задержаться в городе. Пережидая, «пока сольют мелкие речки и овражки» и наладится сносный переезд через них, Николай Гаврилович писал родным: «Мы, рассудивши, что лучше прожить трое суток в Симбирске, нежели простоять их над каким-нибудь затопленным оврагом (согласились). Таким образом, в Саратов приедем мы, может быть, 3, а скорее 4 или 5 апреля...

Я просил у вас, милые мои папенька и маменька, позволения пригласить жить у нас моего доброго спутника, Д. Ив. Минаева, на то время, которое проведет он в Саратове. Это будет недолго — 5, много шесть дней, а по его словам даже 2, 3 дня. Мы с ним прямо и поедем в наш дом».

Поездка Дмитрия Ивановича в Саратов на самом деле намечалась на короткое время: он должен был только представиться своему начальнику — управляющему Саратовской провиантской комиссией полковнику Ивану Яковлевичу Давыдовскому, получить от него необходимые документы и тут же вернуться на родину, чтобы вступить в должность «смотрителя магазина» по Симбирской губернии. Надо было подготовиться и к скорому приезду жены с детьми.

* * *

Ко времени возвращения отца в Симбирск Дмитрию шел 16 год. Если бы он мечтал об офицерской карьере, то родители вполне могли бы оставить его в Дворянском полку, чтобы по окончании двух специальных классов, с углубленной военной подготовкой, он в 18 лет мог быть произведен в подпоручики. Но Дмитрий, с его мягким характером и мечтательной натурой, уже твердо решил расстаться с армейской службой и вместе с матерью, сестрой Лизой и братом Вячеславом уже летом 1851 года прибыл на родину.

За четыре года его отсутствия здесь произошли отрадные изменения. Движение пароходов по Волге стало обыденным явлением и это значительно оживило жизнь города, его связь с пассажирскими и грузовыми пристанями. Окрепла всероссийская известность Сборной ярмарки, бойчее стала и торговля повседневная, особенно в магазинах и лавках Гостиного двора, на базаре.

Больше мест в учреждениях занимали теперь лица с университетскими дипломами — чиновники, врачи, учителя, адвокаты и следователи. С появлением нового губернатора князя П. Д. Черкасского, привезшего с собой толковых молодых чиновников, разнообразнее и содержательнее выглядели «Симбирские губернские ведомости». Под нажимом губернатора началось, наконец-таки, устройство более удобного четырехверстного Петропавловского спуска к волжским пристаням. Но, пожалуй, самой приятной новостью было то, что Карамзинская общественная библиотека, открытие которой планировалось еще до отъезда Минаевых, уже функционировала три года.

Общеобразовательная подготовка в Дворянском полку была близка к гимназическому курсу, и Дмитрий мог бы вполне поступить в шестой, а то и седьмой (тогда — выпускной) класс, если бы не одно, но очень важное «но»: здесь требовались знания по латыни и греческому, а он с ними был слабо знаком. Можно было подготовиться к сдаче экстерном за гимназический курс (без древних языков), но в этом случае исключалась возможность поступления в университет.

Впрочем, далеко не все дети дворян стремились в высшие учебные заведения: многие предпочитали поступать на государственную службу и в каком-нибудь «присутствии» пройти путь от канцелярского чиновника вплоть до штатского генерала. Но в этом случае полагалось прежде всего сдать экзамены на первый классный чин, которые принимались в испытательной комиссии при гимназии. Дмитрий остановился на этом варианте, хотя, уже всерьез увлекаясь литературой и собственным творчеством, мечтал в глубине души стать профессиональным литератором и любую казенную службу уже рассматривал как временное занятие.

Осенью и зимой 1851—52 года он брал консультации у Н. А. Гончарова и других гимназических преподавателей. В эти месяцы начала складываться его дружба с гимназистами-старшеклассниками, особенно с двумя Николаями — Соковниным и Соколовским. Первый из них — сын подпоручика, ровесник Дмитрия — выделялся начитанностью и хорошим знанием фольклора. Второй — сын мелкого отставного чиновника — был на год старше и считался признанным лидером выпускного класса. Одни уважали его как первого ученика, другие — за непокорность учителям-рутинерам, третьи — за радикализм его политических взглядов.

Вскоре после того, как Дмитрий успешно сдал экзамены в объеме уездного училища, прочность дружеского триумвирата подверглась серьезной проверке: Соколовский поступил на юридический факультет Казанского университета. Соковнин уехал к родным в деревню до начала занятий в выпускном классе, а Дмитрий подыскивал себе место в присутствиях, чтобы выслужить законный срок для получения чина коллежского регистратора.

В Симбирске, как и в других губернских центрах Европейской России, число этих присутствий было невелико: канцелярия губернатора, губернское правление, казенная палата, палата государственных имуществ, канцелярии проку-

рора, палат уголовного и гражданского суда, удельного ведомства, полицейского ведомства и городской управы.

К числу самых престижных присутственных мест относилась казенная палата — губернский орган министерства финансов. Она осуществляла сбор всех прямых и косвенных налогов, производила торги на постройку и ремонт казенных помещений, поставку для них дров и свечей, контроль над финансовой деятельностью гражданских ведомств, производила клеймение весов, гирь и мер длины. Все четыре отделения симбирской казенной палаты — ревизское, питейных сборов, казначейское и контрольное — размещались в комнатах второго этажа и антресолей белокаменного здания присутственных мест — одного из самых старинных и представительных, расположенного на бульваре Новый Венец, красивейшем месте города, с прекрасным видом на Волгу. (Ныне в нем размещается сельскохозяйственный институт).

В каком из этих отделений получил свою конторку 17-летний Дмитрий Минаев, кто были его начальниками, ближайшими сослуживцами, чем конкретно он занимался — неизвестно: архивы погибли во время пожара 1864 года, а Минаев и его современники воспоминаний не написали.

Что служба, состоявшая из переписывания бумаг, контроля за исполнением тех или иных циркуляров и предписаний, а также разовых поручений столоначальника, была рутинной, не привлекательной для юноши с живым умом и поэтической натурой, это — несомненно. Вместе с тем, служба именно в казенной палате, куда стекались многочисленные материалы о казнокрадстве, взяточничестве, актах произвола и других злоупотреблениях, позволила будущему сатирику познать всю подноготную прогнившего административного аппарата управления.

Но Минаевы знали и ту часть симбирского образованного общества, которая сделала бы честь любому губернскому городу. Сюда из родного Чирикова наведывался П. В. Анненков, завершавший в это время свои «Материалы для биографии А. С. Пушкина» и издание сочинений великого поэта. Для сбыта продукции своей писчебумажной фабрики и для общения время от времени приезжал из Проломихи Н. П. Огарев, который поддерживал особенно дружеские связи с М. Н. Островским — братом драматурга, а также с начинающим композитором В. Н. Кашперовым. Заметный вклад в оживление культурной жизни родного города вносили «поэт и полиглот» Д. П. Ознобишин, родные покойно-

го поэта Н. М. Языкова, литераторы В. И. Баюшев, В. В. Черников, М. В. Арнольдов и Н. А. Гончаров.

Начавшаяся в 1853 году Крымская война сказалась и на жизни Симбирска. Как и повсюду, здесь прошел рекрутский набор. Во всю мощь заработали суконные фабрики— едва ли не главные поставщики для армии. На благотворительных концертах и спектаклях собирались средства в пользу семей погибших солдат. Неудачи в войне особо ярко высветили все противоречия в стране, обострили классовую борьбу и общественное движение.

Благодаря Н. Соколовскому и Н. Соковнину, тоже поступившему на юридический факультет Казанского университета, Дмитрий Минаев был, как говорится, в курсе брожения казанских студентов, получал от них потаенную литературу. Возникшая у Дмитрия еще раньше, под влиянием произведений В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова и А. Н. Плещеева, «вражда к бичам страны родной» стала сказываться на формировании критического настроя проб его пера. Об этом отчасти свидетельствует первое из дошедших до нас его стихотворений — «У нас бульвар устроили», написанное в 1854 году, где едко высмеяна привилегированная прослойка общества «тихого губернского городка». В печать стихи тогда не попали, а в многочисленных списках долгие годы ходили по рукам симбирян.

Смерть Николая I, поражение в Крымской войне, показавшее, по словам В. И. Ленина, всю гнилость и бессилие царской крепостнической системы, оживление освободительного движения — все это, конечно, оказало глубокое воздействие на умы и чувства отца и сына Минаевых, и они с напряженным вниманием ожидали либеральных нововведений.

Н. Соколовский, вспоминая эту пору, писал: «...всеобщее ожидание чего-то лучшего, приготовление общества к готовящимся переменам, резко бросающаяся в глаза ажиотация — все манило нас в жизнь, все звало померяться силами в действительной борьбе, проверить крепость своих убеждений. Мы знали, что обществу, больше чем когда-нибудь, нужны были молодые силы». Что же касается Дмитрия Минаева, то, по словам Соколовского, именно в Симбирске, «на крутых берегах Волги он впервые понял смысл народной песни — стона, восторженно приветствовал зарю новой жизни, страстно клялся служить прогрессивным идеям времени».

Одушевленный этими идеями — ненавистью ко всем проявлениям насилия и произвола, презрением к людям «ликующим, праздно болтающим» или одержимым корыстью, а, с другой стороны, — сердечным участием к угнетенным и обездоленным труженикам, стремлением содействовать просвещению и свободе, торжеству добра и красоты, желанием укрепить ряды борцов во имя светлого будущего своего народа — Дмитрий, с согласия отца, летом 1855 года переезжает в Петербург, чтобы там, в центре общественно-литературной жизни страны, полнее проявить свои силы и способности.

Не считая возможным «сидеть на шее родителей», он устраивается канцелярским чиновником в земский отдел (по крестьянским делам) министерства внутренних дел. Однако настроение Дмитрия Минаева, как нельзя точнее, характеризовалось грибоедовскими крылатыми словами: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». К тому же его кипучая натура просто не выносила монотонного однообразия бумаготворчества и уже в середине 1857 года он в чине колежского регистратора (самом низшем в табеле о рангах) уходит в отставку и целиком отдается литературному творчеству.

В первое время начинающий поэт публиковал свои лирические, сатирические, а также переводные стихотворения преимущественно в таких сравнительно скромных журналах и газетах, как «Иллюстрация», «Русский Мир», «Сын отечества», «Ласточка», «Свет и тени», «Развлечение», «Общезанимательный Вестник». Гонорары здесь выплачивались мизерные, и Дмитрий Дмитриевич очень нуждался. Но его недюжинный талант, необыкновенная реакция на злобы дня быстро выдвинули его имя в число популярных.

Молодому поэту, естественно, хотелось напечататься и на родине, и едва ли не первые стихи он послал близкому и давнему знакомому своих родителей, да и в какой-то мере своему учителю, редактору неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей» Н. А. Гончарову. Этот официоз выходил под цензурой губернского начальства, и добрейший Николай Александрович смог опубликовать далеко не все из присланного Минаевым-младшим.

Первым стихотворением Дмитрия Дмитриевича, появившимся в «Симбирских губернских ведомостях», было «На Новый год», опубликованное в первом номере этой еженедельной газеты за 1858 год, в субботу 4 января:

Еще один пронесся год
Для нас стезею неизбежной,
С улыбкой ясною надежды,
И мы глядим теперь вперед.
В душе скопилось много дум,
Открытых, светлых упований,
И полон обновленный ум
Избытком мира и желаний.
Глядим вперед на дальний путь
Мы без упрека, без сомненья,
И шлем ему благословенья,
Чтоб дал нам жизни обновленье,
Наполнил силой нашу грудь.
Свершая подвиг Гражданина
На поле мысли и труда,
Мы с верой ожидаем ныне
От предстоящей годовщины
Не мало славы и добра.
Заря надежды заблистала:
Ликует радостный народ;
Друзья! Напенимте ж бокалы,
И выпьем все за Новый год!

По-видимому, дебют прошел удачно, ибо 1 февраля Н. А. Гончаров отвел уже целую страницу для публикации подборки лирических стихотворений Д. Д. Минаева. Три из них, написанные в 1857 году, это — переводы «Из Гейне», а авторское — «Соловей», датированное 1856 годом, является одним из самых ранних петербургского периода и поэтому заслуживает того, чтобы его «воскресить».

Над пышною розой поет соловей,
И слушает гибкая роза...
Когда ж она станет слабей и бледней
От бурь, от ветров и мороза,
Он к розе летит и садится к другой, —
Поет ей любовные ласки,
И с тою же страстной и нежной мольбой
Щебечет волшебные сказки.

Казалось, столь удачное начало публикаторской деятельности Дмитрия Дмитриевича в родном городе будет иметь продолжение. Увы, он больше никогда не увидит своих произведений в симбирской газете. Виной тому станет остро са-

тирическая направленность его творчества. Д. Д. Минаев в том же 1858 году под псевдонимом «Обличительный поэт» приобретает всероссийскую известность. Власть имущие симбиряне с нескрываемой враждой станут относиться к сатирику и причислять его к политически «неблагонадежным» лицам. А Дмитрий Дмитриевич не раз публично продемонстрирует консерваторам всех мастей свое презрение к их бездуховному и паразитическому образу жизни.

* * *

Становление Дмитрия Минаева как профессионального литератора пришлось на эпоху революционной ситуации 1859—61 годов, когда происходило резкое размежевание интеллигенции и учащейся молодежи на сторонников революционной демократии, возглавляемой Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым, и апологетов реакционного лагеря. Особую остроту приобрела полемика между маститыми литераторами-приверженцами теории «искусства для искусства» и молодыми (в основном, выходцами из разночинцев), считавшими печатное слово средством для проведения коренных социально-экономических преобразований в стране.

Дмитрий Дмитриевич сразу и навсегда влился в первые ряды наиболее активных борцов за торжество демократии. Творческая деятельность его была очень плодотворна, и уже в 1859 году в Петербурге вышла книжечка (в 40 страниц) — «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта», содержавшая преимущественно пародии на современных поэтов-жрецов «чистого искусства». Особенно досталось в ней А. А. Фету — тонкому, проникновенному лирику, но открыто выступавшему, как завзятый крепостник.

Критик еженедельника «Иллюстрация. Всемирное обозрение» назвал книжечку Д. Д. Минаева «очень хорошенькой», а вошедшие в нее пародии — «ловкими, остроумными», «очень грациозными», веселыми и легкими. Выразив уверенность, что на Руси появился даровитый поэт, критик выразил сожаление, что «Искра» еще не приобрела такого сотрудника. Н. А. Добролюбов в рецензии на «Перепевы», появившейся в августовской книжке «Современника» за 1860 год, отнесся к дебюту молодого Минаева довольно сдержанно, полагая, что ему не следовало ограничиваться пародиями на любителей «искусства для искусства», а взяться за более серьезные общественные проблемы. Но большинство критиков все же поставило «Обличительного поэта» в один ряд

с самим Добролюбовым, В. С. Курочкиным и другими видными сатириками.

Гражданским подвигом Дмитрия Дмитриевича стало написание биографического очерка «В. Г. Белинский», вышедшего в 1860 году в Петербурге отдельной брошюрой под псевдонимом «Д. Свияжский». Появление впервые жизнеописания великого критика, в обстановке, когда вокруг его имени и литературного наследия шла ожесточенная борьба, было весьма своевременным, ибо серьезно препятствовало усилиям либералов и консерваторов выхолостить революционно-демократическую суть творчества Белинского. Минаев, восторженный его почитатель, широко используя статьи А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, сумел создать интересную и документальную биографию «неистового Виссариона» и содействовать тем самым восстановлению его репутации как борца за демократическое обновление России.

В 1860—61 годах Дмитрий Дмитриевич становится постоянным сотрудником трех самых радикальных журналов — некрасовского «Современника», «Русского слова», возглавляемого Г. Е. Благосветловым, и «Искры» — детища братьев Курочкиных и художника-карикатуриста Н. А. Степанова. В «Современнике» он по преимуществу печатал переводы наиболее популярных европейских поэтов и относился к числу авторов, которыми, по словам А. Н. Пыпина, «журнал дорожит». В «Русском слове» из номера в номер Минаев помещал сатирическое обозрение «Дневник темного человека», в котором, используя маску наивного и доверчивого обывателя, воссоздавал картины русской действительности, яростно и виртуозно высмеивал М. Н. Каткова, других литераторов-консерваторов и хлестко бичевал клеветнические «антинигилистические романы». Кроме того, Дмитрий Дмитриевич печатал в журнале свои стихи, критические статьи и переводы. Его вклад в рост популярности журнала был настолько весомым, что редактор Благосветлов полагал: не будь в «Русском слове» Д. И. Писарева и Д. Д. Минаева, можно было бы считать себя «похороненным в любезном отечестве».

Однако настоящую славу талантливого поэта-сатирика изумительной «плодовитости», обладающего неистощимым богатством изящных рифм и виртуозно владеющего искусством высмеивать «все недостойное, подлое, злое», принесло Минаеву сотрудничество в еженедельнике «Искра». Популярность этого журнала была необычайно велика. «Искра»

сделалась грозою для всех, у кого была нечиста... совесть, — вспоминал критик А. М. Скабический, — и попасть в «Искру», упечь в «Искру» были самыми обыденными выражениями в жизни шестидесятых годов. Не было ни одного крупного или мелкого безобразия общественной или литературной жизни, которое не имело бы места на страницах «Искры», или в игровых, полных необузданного остроумия куплетах, пародиях, или в прозе, исполненной убийственных сарказмов».

Поэты-искровцы делали все, что могли для искоренения злоупотреблений, произвола, бюрократизма, других пороков в общественной жизни, быту и нравах. Велика в этом заслуга Минаева, который 14 лет — вплоть до закрытия властями «Искры» — без устали снабжал ее своими остроумными пародиями, фельетонами в стихах и прозе, драматическими сценами, переводами, эпиграммами и даже карикатурами.

С января 1862 года Дмитрий Дмитриевич взялся за редактирование журнала «Гудок» и сразу же превратил его в боевой сатирический орган, программу которого он представил так: «Отрицание во имя честной идеи, сатира и юмор во всех его проявлениях, преследование грубого и узкого обскурантизма, произвола и неправды в нашей русской жизни... Мы верим в смех и сатиру не во имя «искусства для искусства», но во имя жизни и нашего общего развития; одним словом, мы верим в смех, как в гражданскую силу».

Во времена редакторства Минаева на обложке «Гудка» появилась невиданная по смелости виньетка. На ней с правой стороны изображен Александр Герцен со знаменем в руке, на котором написано «Уничтожение крепостного права», произносящий речь перед жадно слушающими его крестьянами и молодежью. С левой стороны виньетки — помещики, военные, чиновники, со страхом и ненавистью глядящие на Герцена, угрожающие ему и народной толпе нагайкой или прожигающие жизнь в кутежах и разврате. Естественно, что виньетка, пропущенная по недосмотру цензуры, вызвала переполох и личный приказ царя о том, чтобы «Гудок» «издавался впредь без виньетки», а Д. Д. Минаев попал в списки «неблагонадежных», с пометкой о том, что он, возможно, переписывается с находящимся в изгнании Герценом.

Примечательно, что преследование «обскурантизма, про-

извола и неправды» Дмитрий Дмитриевич начал в «Гудке» на примере приволжского губернского городка «С-ка», в котором вдумчивые читатели-земляки не могли не узнать Симбирска. Развитию этой темы в виде поэмы помог старый знакомый Н. М. Соколовский, приехавший в конце 1861 года в Петербург. За пять лет работы следователем он прекрасно изучил все слои общества и помог приятелю быстрее и точнее набросать портреты симбирских Чичиковых, Ноздревых, Плюшкиных и других «героев», прославившихся казнокрадством, взяточничеством, самодурством, развратом и иными «доблестями». Когда «Губернская фотография» (с характеристиками почти восьми десятков лиц) была готова, Соколовский увез экземпляр рукописи на родину, где она в списках пошла по рукам без цензурных сокращений и с расшифровкой полных фамилий помещиков, чиновников и светских «львиц».

В январе 1862 года «Гудок» опубликовал первый «сеанс» сатирической поэмы своего редактора, а в феврале — второй «сеанс». И хотя фамилии персонажей были видоизменены и автор скрылся за псевдонимом «Ж. Свияжский», «герои» с ужасом и гневом себя узнали, как, впрочем, догадались и о настоящей фамилии автора.

Насколько смело и метко разила «Губернская фотография», можно судить по куплетам, посвященным симбирскому архиепископу Евгению:

Пою тебя, святой владыка,
За то, что кистью всей руки
В обедню, близ святого лика,
Дьячкам ты ставишь синяки.
Ты перл российских семинарий,
Резерв для будущих мощей,
С церквей берущий гонорарий,
И служек бьющий, как кащей.

Об известном в Симбирске князе говорится:

Где Трубецкой, в проказах чванства,
Всех наглой роскошью дивит,
И, к славе дряхлого дворянства,
Жену шутами веселит.
И мужиков лишая крова,
Бросает деньги круглый год;
На лбу написано два слова:
«Аристократ и идиот!».

Уничижительная характеристика была дана директору мужской и женской гимназий И. В. Вишневскому (чья подпись со временем появится на аттестатах Александра и Анны Ульяновых):

А вот Вишневский, точно старый
Педагогический нарост,
И всею проклятый Самарой
Бюрократический прохвост.

Неудивительно, что если одни симбиряне с удовольствием заучивали «Губернскую фотографию» наизусть, указывали на живых «героев» поэмы, что называется, пальцами, то у других она вызвала бурю негодования. Нашелся среди местной бюрократии чиновник-юрист Д. Соболевский, который выступил в «Симбирских губернских ведомостях» с нападками на «Губернскую фотографию», назвав ее клеветой, и потребовал удовлетворения за оскорбление, якобы нанесенное симбирскому обществу. На этот выпад редактор, то есть Минаев, тут же дал ответ в «Гудке», предложив Соболевскому опровергнуть содержащиеся в поэме факты, но тот предпочел умолкнуть. Поступали из Симбирска в редакцию «Гудка» письма от других лиц с опровержениями или подтверждениями описываемого в «Губернской фотографии». В общем же современники считали, что Дмитрий Минаев разоблачительными фельетонами в петербургских журналах на протяжении нескольких лет «в каком-то трепете всю губернию держал».

Враждебное и неприязненное отношение к себе родовитых земляков, чье самолюбие было ущемлено фельетонами, Дмитрий Дмитриевич воспринимал спокойно, как должное. Сложнее складывались отношения с отцом или, скажем, с Г. Н. Потаниным. Бывший учитель, навестив Дмитрия Дмитриевича, проживавшего тогда в огромной Знаменской гостинице, сразу заметил, что его Митя, хотя и встретил его радушно и просил «бывать», был уже «не тот»: «мгновенно мелькнула в уме встреча Максима Максимовича с Печориным. В речи его уже не было и помину о дорогом и родном бреде». Видно, Потанину пришлось не по душе, что былой мечтательно-романтический настрой его воспитанника теперь сменился слишком боевым духом критического восприятия жизни. Когда подобные чувства испытал и отец, то очень огорчился и некоторое время его былые теплые отношения с сыном сменились на вежливо-натянутые.

В своих воспоминаниях Г. Потанин не поделился впечатлениями о молодой жене Дмитрия Дмитриевича — Екатерине Александровне (урожденной Поповой). Судя по всему, она поначалу гордилась литературными успехами мужа, но сама отнюдь не принадлежала к «новым людям». Выросшая в провинциальной дворянской семье, она с трудом сходилась с родными и друзьями Минаева. Сам же он редко, но приезжал на побывку в родной город, где теперь проживал и новый родственник — муж сестры Елизаветы — молодой талантливый художник Николай Евстафьевич Симаков, принимавший в качестве карикатуриста участие в «Искре». Так что во время очередного приезда в Симбирск, летом 1864 года, им было о чем поговорить. Как, конечно, и с Николаем Соколовским и их общими друзьями.

В августе того же года в Симбирске произошел грандиозный пожар, в пламени которого сгорела и лучшая часть центра города, в том числе дома гимназий, губернатора, присутственных мест, дворянского собрания, с находившейся там Карамзинской общественной библиотекой. Расследуя причины этого бедствия, власти составили справки о всех подозрительных лицах, в том числе и о наиболее демократичных симбирянах. И, конечно, сюда попали Д. Д. Минаев и Н. М. Соколовский. В донесении, отправленном жандармами в Петербург, подчеркивалось, что они общались с молодыми людьми «одного образа мыслей с ними», готовыми «вредить печатно и изустно высшему дворянству и чиновничеству гор. Симбирска». Ходил по городу слух и о том, что Д. Д. Минаев и Н. М. Соколовский еще в 1862 году «сожгли Петербург», и это тоже было зафиксировано в жандармских документах.

К счастью, для друзей на этот раз все обошлось благополучно. А Дмитрий Дмитриевич, глубоко сочувствовавший бедствию, постигшему родной город, пожертвовал вместе с Н. Симаковым полтора десятка книг из семейной библиотеки. В числе их, наряду с сравнительно распространенными произведениями Э. Сю, В. Скотта, Ч. Диккенса, У. Теккерея и Ф. Купера, были и очень редкие и дорогие, как например, изданный на русском языке в Петербурге в 1802 году двухтомник «Философические уединения прогулки Жана Жака Руссо, или последняя его исповедь, писанная им самим, с присовокуплением писем его к Мальзербу, в коих изображается истинный характер и подлинные причины поступков сего славного Женевского Философа». Дмитрий

Дмитриевич передал на память Карамзинской библиотеке и вышедшие в прошлом году в столице «Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения Обличительного поэта (Темного человека)».

Этот, по существу, первый том его избранных произведений, состоял из двух отделов. В первый (Думы и песни) вошли в основном лирические стихотворения, а также переводы из Г. Гейне, Д. Байрона, О. Барбье, К. Марло и К. Гавличека, публиковавшиеся в газетах и журналах под настоящей фамилией Дмитрия Дмитриевича. В своих переводах сделал примечание только о Кареле Гавличеке — «одном из лучших и светлых имен чешской литературы», безвременно ушедшем из жизни из-за продолжительного нахождения в тюремных застенках австрийских поработителей его родины.

Что касается второго раздела, который был составлен целиком из стихотворений обличительного характера, то Минаев счел нужным сказать об объективной необходимости сатирической литературы. «Не сознавая себя достаточно сильным для олицетворения совершенного зла в общих художественных формах, автор зато ясно видит нелепости, его окружающие, ясно сознает на самом себе тяготение этого зла, и откликается на него протестом. К каждому гнусному или комическому явлению, к каждому возмутительному факту, характеризующему эпоху или время, к которому принадлежит он, автор считал себя вправе отнестись искренне и прямо, вовсе не думая о том, что он задевает этим множество маленьких самолюбьиц и страстишек, что он дразнит лягушек в болоте».

В следующем году Дмитрий Дмитриевич выпустил в свет книгу под тем же названием, но вдвое большую по объему (вместо 308 стало 604 страницы). Заметно расширился круг переводимых авторов: появились сатиры римского поэта-обличителя Ювенала, отрывки из поэм крупнейших персидских поэтов-мыслителей 12—13 веков Саади и Хафиза. Д. Байрон представлен не только стихотворениями, но и драматической поэмой «Манфред» и «Беппо» (Венецианской повестью). Г. Гейне также представлен стихотворной поэмой «Тангейзер». Довольно внушительным оказался отрывок из пьесы «Марион де-Лорм» Виктора Гюго. Во втором разделе («Юмористические стихотворения Обличительного поэта») помещено свыше 80-ти различного рода произведений: «песен прогресса», пародий на литераторов-консерваторов, сатирических

сцен, эпиграмм, а также четыре главы из юмористической поэмы «Проказы чорта на железной дороге».

Минаев ясно представлял, что его «Думы и песни» станут «богатой поживой» для «благонамеренных» рецензентов, если только «они умышленно не сговорятся молчать о книге, в которой к их именам приставлены ярлыки с надписями, не совсем любезными».

Печально, что некоторые обиженные «лягушки из болота» вместо полемики с сатириком, как и «благонамеренные» обыватели занялись сочинительством доносов в III Отделение. К имевшимся в распоряжении «голубых мундиров» сведениям, что Д. Д. Минаев переписывается с А. И. Герценом, в 1864 году добавились агентурные указания о его принадлежности к «Знаменской коммуне», ядро которой составляли В. А. Слепцов, А. И. Левитов, И. М. Сеченов — горячие приверженцы Н. Г. Чернышевского. С октября 1865 года Дмитрий Дмитриевич, как и другие сотрудники «Современника» значившиеся «крайними либералами и нигилистами», находится под постоянным негласным надзором полиции.

Неудивительно, что через три недели после покушения Д. В. Каракозова на жизнь царя (4 апреля 1866 года) Д. Д. Минаев в числе других особо «неблагонадежных» литераторов был арестован и заключен в камеру Александро-Невской полицейской части. Через две недели после ареста Дмитрий Дмитриевич в припадке нервного расстройства покушался на самоубийство, после чего его перевезли в госпиталь и поместили в отдельный номер «арестантского корпуса». Но каких-либо конкретных улик в противоправительственной деятельности жандармам найти не удалось, и в июле они вынуждены были выпустить его на свободу.

Однако уже 4 августа того же года III Отделение завело новое дело на Дмитрия Минаева, Василия Курочкина и Ивана Дмитриева за «демонстративное отклонение... от общего приветствия в честь русского государственного гимна, исполненного на музыкальном вечере в Павловске, в честь американского посольства»: только эти литераторы при исполнении оркестром «Боже, царя храни» не только «не сняли шляп, но даже и не встали со своих мест». Шеф жандармов России, узнав об этой дерзкой выходке, предложил петербургскому градоначальнику вызвать к себе Минаева, Курочкина и Дмитриева и предупредить их, что если они впредь дозволят себе подобные поступки, то будут подвергнуты строгой ответственности и удалены навсегда из столицы...

Дмитрий Иванович был в курсе злоключений, выпавших на долю сына в столице. Но это не помешало и ему самому вести себя в родном городе довольно смело. В ноябре 1866 года симбирское дворянство готовилось к торжествам, посвященным столетию со дня рождения Н. М. Карамзина. Как это видно из доноса в Петербург, Дмитрий Иванович к этому юбилею «написал на 8 листках о равенстве, или лучше сказать, о превосходстве других классов перед дворянством, доказывая, что Шиллер и по большей части другие гении были из простого народа», но ему помешали произнести эту речь.

С наступлением эпохи реакции после каракозовского выстрела «Современник» и некоторые другие прогрессивные органы печати были закрыты. Трудное время наступило и лично для Дмитрия Дмитриевича. Но он не пал духом. В «Неделе», «Искре», «Вестнике Европы» и «Деле» вновь появляются его фельетоны и стихи, пародии и переводы, в которых явно прослеживаются его симпатии к «недавнему царству отрицателей», то есть к демократическому лагерю.

* * *

Волна «белого террора», развязанная реакцией после каракозовского выстрела, к счастью, уже через год ослабела. Голод 1867 года с новой силой поставил вопрос о необходимости ликвидации остатков крепостничества. Немаловажную роль в новом подъеме освободительного движения в стране стали играть «Отечественные записки», которые с начала 1868 года возглавили руководители закрытого властями «Современника» Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин. Для Минаева открылась новая отдушина, и он становится активным сотрудником этого печатного органа передовой России.

К концу первого десятилетия своей творческой деятельности Дмитрий Дмитриевич уже имел прочную репутацию одного из самых популярных поэтов-демократов. Именно так считал и М. Е. Салтыков-Щедрин, который в рецензии на сборник «В сумерках. Сатира и песни Д. Д. Минаева», вышедший в Петербурге в 1868 году, писал: «...Это писатель остроумный, даровитый и притом обладающий прямыми и честными убеждениями». Вместе с тем Михаил Евграфович по-отечески упрекал Минаева за то, что он увлекается больше всего особенностями жизни столицы, редко затрагивая коренные вопросы общероссийской действительности. И все

же Салтыков надеялся, что муза Минаева «может со временем выйти из тесной сферы исключительно петербургских интересов».

Мелкотемье сатиры Дмитрия Дмитриевича в определенной мере объяснялось как его внутренней потребностью немедленного реагирования на злобу дня и необходимость писать ежедневно, чтобы содержать себя и семью, так и жестоким господством реакции в стране. Это видно из его письма к отцу в Симбирск от 20 ноября 1868 года, в котором он с горечью сообщал: «Ты спрашиваешь, кто после смерти Писарева стал во главе литературы? Никто. Головы у нас нет: есть гибкая спина, длинные уши и при каждой беде — прыткие ноги.

Упадок журналистики ужасный. Доносы сыщиков перешли в печать и на этом поприще подвизаются «Голос», «С.-Петербургские Ведомости» и другие их собратья по ремеслу печатного шпионажа. Вопросы литературы, искусства, науки отодвинулись на задний план: их заменили сплетни и перебранки затронутого самолюбия. Все полемики приняли характер личностей. Главные деятели, **головы**, выбыли из строя. Оставшаяся небольшая прогрессивная партия, лишенная главных коноводов, преследуемая всюду остальной, ретроградной и грязной журналистикой и встречаемая полнейшим равнодушием общества, совершенно потеряла свое прежнее значение. Все умалилось, измельчало, устарело и пошло на любовные сделки с совестью, здравым смыслом и практическими соображениями. Одна надежда на новые силы, на новых людей, а их пока нет».

Дмитрий Дмитриевич уж чересчур в мрачных тонах обрисовал состояние журналистики. Ведь в это время, наряду с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным, творили Н. Михайловский, Г. Успенский, Н. Курочкин, П. Лавров, Г. Елисеев, В. Гаршин, С. Кривенко. Что же касается себя лично, то он вел фельетонные обозрения, обильно насыщая их пародиями, шаржами, памфлетами и эпиграммами еще в нескольких изданиях — «Биржевых ведомостях», «Молве», «Московском телеграфе».

Об изобразительности, с какой Дмитрий Дмитриевич боролся со всеми уродливыми явлениями в общественной жизни, с людьми, одержимыми корыстью или отличавшимися шаткостью убеждений, с авторами бездарных повестей, поэм, картин, видно из письма его отца историку М. П. Погодину от 30 апреля 1871 года. Дмитрий Иванович предложил свое

сотрудничество новому московскому журналу «Заря», а редактор молчит... «И тут не без причины, — признался Дмитрий Иванович Погодину, — Мой сын, как Вы знаете, фельетонный певец с постоянно-готовыми эпиграммами против всех, в кого необходимо стрельнуть... и он, как стороной говорили, при первом выходе «Зари» послал в ее редакцию десятистишие под псевдонимом. Стихи были напечатаны и оказалось, что это акростих: «З-а-р-я п-а-д-а-е-т!».

Выходка, разумеется, скверная! И редактор, по вероятию, возненавидит фамилию «Минаева». И, вдруг, снова являюсь я с предложением услуг. Говорят: и сильный стрелок, напуганный медведем, куста стережется, а тут из этого куста выходит Минаев, да еще № 1, т. е. горше № 2-го. Очень возможно, что редактор и здесь мог подозревать какую-нибудь сатирическую выходку».

И все-таки Дмитрий Иванович, шутливо поговаривавший, что «отец да сын — одного теста блин», в душе гордился творческими достижениями сына. После двухтомника «Думы и песни» он читал все новые и новые его произведения: «Евгений Онегин нашего времени» (в 1866 и 1868 годах), «Здравия желаю. Стихотворения отставного майора Михаила Бурбонова» (1867), «В сумерках. Сатиры и песни Д. Д. Минаева» (1868), «Песни и поэмы Д. Д. Минаева» (1870), снова «Думы и песни» (1871), «На перепутьи. Новые стихотворения. Либерал. Комедия в 5 д.» (1871) и «Разоренное гнездо (Спетая песня). Комедия в 4-х действиях... Песни и сатиры Д. Д. Минаева» (1876). Отец, безусловно, был польщен тем, что пьеса Дмитрия «Разоренное гнездо» была удостоена очень престижной награды — Уваровской премии Академии Наук, хотя и великолепно понимал, что это случилось только благодаря анонимному конкурсу произведений, рассматривавшихся под девизами.

Впечатляющими были и плоды переводческой деятельности Минаева-младшего. Начиная с 1857 года, ежегодно в столичной печати появлялись многочисленные переводы стихотворных творений Г. Гейне, в том числе таких крупных, как поэма «Германия. Зимняя сказка». В журналах печатались и его переводы из И. Гете: «Баядерка. Индейская легенда», сцены из «Фауста», «Испанский мотив», «В театре». Переводил он с немецкого и стихи превосходного австрийского поэта-демократа Н. Ленау.

Из английских авторов Дмитрий Дмитриевич перевел (в дополнение к «Беппо» и «Манфреду») такие крупные произ-

ведения Д. Байрона, как поэмы «Дон-Жуан», «Чайльд-Гарольд» и «Тьма». Заметной работой стал его перевод лирической драмы «Освобожденный Прометей» П. Шелли — одного из крупнейших поэтов, близкого друга Байрона, такого же горячего борца против тирании. В числе других Минаев переводил сатирические стихи Д. Чосера — отца английской поэзии и миниатюры Д. Крабба, которого Байрон называл самым истинным и правдивым «живописцем природы».

Если переводы с анлийского осуществлялась всегда с подстрочников, подготовленных по заказу, а немецким Дмитрий Дмитриевич владел постольку-поскольку, то французский язык он знал превосходно. Вот почему список французских авторов, которых он переводил, самый обширный: О. Барбье, Ш. Бодлер, А. Виньи, В. Гюго, П. Дюпон, Л. Колэ, А. Мюссе и Ж. Б. Мольер. Несколько трудоемкими были эти переводы, говорят такие факты. Драма В. Гюго «Рю Блас», появившаяся в февральской книжке «Дела» за 1868 год, заняла 208 страниц, а его же драма «Эрнани» в мартовской книжке того же журнала заняла 100 страниц. Что касается мольеровской комедии «Ученые барыни», целиком напечатанной в декабрьском номере «Вестника Европы», то Минаев тем самым ликвидировал одно из «белых пятен» в знакомстве русской публики с Мольером.

Многое из взаимоотношений Дмитрия Дмитриевича с родителями остается для нас неясным; неизвестно, когда именно скончалась матушка Елизавета Ивахниевна и почему отец, связавший впоследствии свою жизнь с другой женщиной крестьянкой, и после рождения дочери Хионии, не скрепил брак «венцом». И, наконец, что вынудило отца на старости лет расстаться с собственным домом и начать кочевать по частным квартирам в Бараньей слободке. Но о главном можно сказать определенно: Дмитрий Дмитриевич глубоко уважал отца, который хотя далеко не всегда разделял взгляды молодого поколения, но старался понять их и в целом оставался сторонником демократических преобразований в обществе.

После того, как Дмитрию Ивановичу перевалило за 65, здоровье его начало заметно сдавать, особенно из-за приступов изнурительной малярийной лихорадки. В начале осени ему стало так худо, что он составил завещание в пользу дочери Хии, а ближайшего и многолетнего приятеля князя Василия Ивановича Баюшева попросил похоронить его под раскидистым вязом на Духовском кладбище. Это было самое

далекое от центра города кладбище, зато самое близкое к его милой Волге, где он любил подолгу прогуливаться, размышляя о старине, о событиях давно минувших, о судьбах народа родной земли.

Его предчувствия приближения конца жизненного пути, к несчастью, очень скоро сбылись. Приехавшие из Самары дочь Елизавета с мужем—художником Симаковым, а затем и Дмитрий Дмитриевич приглашали лучших врачей города, но все оказалось тщетным: 1 октября, ровно за месяц до 69-летия, Дмитрий Иванович скончался. После отпевания в приходской Богоявленской церкви прах уважаемого в городе отставного подполковника, поэта и общественного деятеля был захоронен точно в том месте почти уже заброшенного кладбища, которое он сам и облюбовал.

5 октября в «Симбирских губернских ведомостях» появился небольшой, но очень тепло написанный В. И. Баюшевым некролог с характеристикой литературной деятельности этого чуткого, не старившегося душою писателя, «заслужившего себе добрую славу благородного и честного человека от всех его знавших».

Выполняя слово, данное отцу, Дмитрий Дмитриевич взял свою девятилетнюю сестренку Хию вместе с ее матерью к себе в Петербург. С этого времени в Симбирске у него не осталось близких родных. Но на Волге он бывал еще не раз.

Во время одного из таких путешествий на пароходе Дмитрий Дмитриевич разговорился с провинциальным любителем литературы. Узнав, что перед ним поэт, спутник выразил сожаление, что многие пишут под псевдонимами, и не знаешь, кто есть кто. Одобрительно отозвавшись об «Обличительном поэте», он поинтересовался у Минаева, не знает ли тот автора. Поэт ответил, что это он сам. Затем точно такая же сценка произошла при объяснении псевдонимов «Темный человек» и «Майор Бурбонов». Тогда пассажир спросил об «Общем друге» и, услышав ответ, что это тоже он сам, недоверчиво воскликнул «Д-а-а! Вы подумайте», после чего, по-видимому, оскорбленный в своих лучших чувствах, встал и поспешно ушел, приняв Минаева за блаженной памяти Хлестакова».

Псевдонимов у Дмитрия Дмитриевича, действительно, была масса — не менее 90. И только в годы революционной ситуации, когда один за другим стали выходить отдельными книжками произведения под его подлинной фамилией, широкий читатель по-настоящему познакомился с автором многих

полюбившихся произведений. Вот краткий перечень минаевских книг и крупных публикаций в сборниках и журналах 1879—1882 годов:

«Демон. Сатирическая поэма и сказки», «Аргус. Юмористический альбом» (эта же книга в 1881 году выходила с иным титульным листом: «Людоеды, или люди шестидесятых годов. Роман. Стихотворения, очерки, сказки»), «Чем хата богата. Песни и рифмы», «Дедушкины вечера. Русские сказки в стихах для детей», «Всем сестрам по серьгам. Юмористический сборник. Песни, сцены, эпиграммы и пр.», «Народные русские сказки для детей в стихах. 4 тома», «Новые новинки, песни да картинки. Стихотворения для детей», «Теплое гнездышко. Стихотворения для детей».

В «Отечественных записках» в переводе Дмитрия Дмитриевича появились поэма «Порциа» А. Мюссе и все 3 действия комедии в стихах «Амфитрион» Ж. Б. Мольера. Другой демократический журнал — «Дело», в минаевском переводе, опубликовал драму «Торквемада» В. Гюго. Еженедельный иллюстрированный журнал «Живописное обозрение» только в 1881 году в четырех номерах поместил десятки стихов Г. Гейне в его переводе. В том же году вышли в свет 13, 14 и 15 тома полного собрания сочинений Гейне, где более 150 стихотворений, сонетов и поэмы «Германия» и «Тангейзер» представлены русскому читателю Минаевым.

Но, пожалуй, самым большим достижением Дмитрия Дмитриевича, как переводчика, стало завершение десятилетнего труда над переводом «Божественной комедии» А. Данте, который он осуществил по заказу крупнейшего петербургского книгоиздателя М. О. Вольфа. Первый том — «Ад» — в роскошном шагреневом переплете, на слоновой бумаге, с великолепными иллюстрациями знаменитого французского живописца А. Доре, вышел в Лейпциге в 1874 году. «Чистилище» и «Рай» в точно таком же оформлении были изданы в Петербурге тоже отдельными томами, в 1876 и 1879 годах. Дмитрий Дмитриевич гордился тем, что первым в России полностью перевел в стихах это бессмертное дантовское творение, и полушутливо заявил Вольфу: «Когда я умру, пусть мне в гроб вместо подушки положат три тома «Божественной комедии», а на могиле соорудят памятник с надписью: «Жил и перевел на русский язык Данте».

Уже эта, далеко не полная картина творчества Минаева позволяет представить, каким вдохновенным и многогранным оно было, какой поистине колоссальной была трудоспособ-

ность этого талантливого поэта. Чтобы создать такое море стихов, которое создал Минаев, надо было не иначе, как мыслить рифмами.

Но и в зените своей славы Дмитрий Дмитриевич сохранил непоколебимую верность своим идеалам. Он по-прежнему участвовал во всех культурных начинаниях лучших российских литераторов, продолжая открыто выражать симпатии демократическому лагерю. Взять хотя бы стихотворение «На свой аршин», с посвящением Н. С. Курочкину, и поэму «Две эпохи». С какой теплотой он вспоминает близких ему по духу Добролюбова, Писарева, Некрасова, братьев Курочкиных, Помяловского, Слепцова, Левитова, эпоху «Современника» и «Русского слова», «когда от сел до шумных городов очнулась наша Русь от сна...».

Зато с какой беспощадностью он продолжает клеймить предателей общественного прогресса. Как А. С. Пушкин ославил на века доносчика Ф. Булгарина, так Минаев безжалостно разделался с М. Катковым, князем В. Мещерским и другими мракобесами. Главному идеологу самодержавия редактору «Московских ведомостей», Каткову он посвятил такие уничижительные строки:

I

С толпой журнальных кунаков
Своим изданьем, без сомненья,
С успехом заменил Катков
В России Третье отделенье.

II

В доносах грязных изловчась,
Он даже, если злобой дышит,
Свою статью прочтет подчас
То на себя донос напишет.

Известного реакционного публициста В. Буренина (который в прошлом был сторонником революционной демократии) почти полстолетия, до гробовой доски, сопровождала минаевская эпиграмма:

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!

И уж мало кто был способен на такой экспромт, какой произнес Минаев в 1882 году в ресторане, на торжественном обеде, посвященном памяти Д. И. Фонвизина. На просьбу написать стихи в честь предстоящей коронации Александра III поэт громко произнес:

Нет, нет, я не рожден
Воспеть героя коронации,
Зато вполне я убежден,
Что он есть кара нации.

Шеф жандармов империи, получив донесение об этой выходке, не решившись пока на большее, предписал полиции вызвать поэта, который «дозволил себе произнести дерзкие слова, и предупредить, что впредь к нему будут приняты самые строгие меры».

Но Минаева это не испугало. В том же году он прочел в «Пушкинском кружке» очередную «крамольную» балладу:

...Король негодует: «Что день, то беда!
Отовсюду зловещие вести...
Везде лихоимство, лесть, подкуп, вражда,
Ни в ком нет ни правды, ни чести...
Поджоги, убийства, разврат, грабежи,
Иуда сидит на Иуде...».
Король обратился к шуту: — «О скажи:
Куда делись честные люди?».
И шут засмеялся: — «Ах, ты, чудодей!
Очистив весь край понемногу,
Ты в ссылку отправил всех честных людей
И — сам поднимаешь тревогу!».

Цензура не пропустила балладу в печать, ибо восприняла ее, конечно, не как юмореску, а как вполне понятное обвинение правительству, обрушившемуся после убийства народовольцами Александра II с репрессиями на свободолюбивую Россию.

Вот таким — смелым, честным, боевым поэтом — гражданином встретил Дмитрий Дмитриевич 26 октября 1882 года — день своих именин и 25-летие литературной деятельности. Писательская делегация в составе С. В. Максимова, К. М. Станюковича, Н. С. Лескова, Н. М. Соколов-

ского и других посетила квартиру юбиляра и преподнесла приветственный адрес с портретом виновника торжества, превосходно исполненный художником Н. А. Богдановым. Были зачитаны поздравительное письмо редактора журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевича, телеграммы из Москвы от редакции «Русских ведомостей», «Русского драматического кружка», а также два стихотворения. Вечером того же дня около 40 человек собралось на товарищеский ужин в ресторане Бореля и весело отпраздновало знаменательное событие в жизни своего коллеги и любимца.

«Ты без устали, как чернорабочий, не покладая рук, честно бился за наше старое знамя, оно ни разу не выпало у тебя», — заявил на этом вечере Минаеву его старый товарищ по Симбирску Н. М. Соколовский.

Но из всех приветствий больше всего пришелся по душе присутствовавшим на вечере такой полушутливый моногрим:

Кто на Руси гроза хлыщей и шалопаев,
Судебных болтунов и думских попугаев,
Всех званий хищников, лгунов и негодяев,
Родных Кит-Китычей, безжалостных хозяев,
Владельцев лавочек, подвалов и сараев,
Плутов, которые, все честное облаяв,
Кадят тугой мошне, пред властию расстаяв?..
Кого боится так и сельский Разуваев,
И самобытный сброд Батыев и Мамаев —
Грабителей казны и земских караваев,
Ханжей, доносчиков, шпионов, разгильдяев?..
Все он — сатирик наш талантливый, Минаев!

Да, имя Дмитрия Минаева, поэта, критика и переводчика, автора двух десятков книг, было широко известно читающей России. Но его юмористические и сатирические миниатюры и эпиграммы также читали и пели артисты с театральных сцен многих городов. Пьесы Минаева пользовались меньшим распространением, но и они ставились. Его остро сатирическая стихотворная комедия «Кассир» (написанная в соавторстве с литератором С. Н. Худековым) шла на сцене знаменитого Александринского театра в Петербурге, причем с участием очень популярной М. Г. Савиной.

* * *

Правительству с большим трудом удалось разгромить героическую «Народную волю» и вообще справиться с небывало острой революционной ситуацией в стране 1879—1881 годов. После убийства Александра II (1 марта 1881 года) понадобилось около двух лет, прежде чем самодержавие, как говорится, смогло выпустить все свои когти. В числе репрессивных мер особое место заняли гонения против печати: значительно была ужесточена цензура, а наиболее радикальные журналы и газеты («Дело», «Порядок», «Московский телеграф» и другие) вообще стали закрываться. Понятно, что Дмитрию Дмитриевичу, поэту-сатирику более четверти века остро бичевавшему катковых, мещерских и других столпов реакции, жить, творить и печататься стало намного труднее. Правда, в 1883 году вышла отдельным изданием комедия «Кассир» (в соавторстве с С. Н. Худековым), а незадолго до коронации АлександраIII успел выйти в свет очередной минаевский сборник эпиграмм «Не в бровь, а в глаз». Насколько доброжелательно относилась либеральная общественность к его творчеству, можно судить по отзыву, появившемуся 16 марта 1883 года в «Русских ведомостях» — газете, которую уже читал и Владимир Ульянов.

«Перед вами, — писал рецензент, — настоящая мозаика, но из микроскопических ее блесток, стеклышек и граненых камешков составляется в общем одна большая и законченная картина современной действительности, — низменной, жадной, беспринципной, серой и плутовской. Вы видите, что симпатичный поэт действительно стоял «на часах», ловил на лету всякие отрицательные факты, моменты, эпизоды, веяния и хлестко, горячо, с огоньком и меткостью воздавал всякому свое. Сочувственная улыбка складывается у вас при перелистывании этих крошечных, живых и остроумных страничек. Они дают вам партизанский, изо дня в день веденный, расчет опытного и умелого застрельщика с обществом «грешных человечиков» и хрюкающим, бесчинствующим стадом «торжествующих свиней». Многие эпиграммы бьют наповал и навылет. Сила их в краткости, в неожиданном повороте мысли или вывода, за прекрасным, легким и звонким, иногда гимнастически — удивительным стихом, свойственным дарованию г. Минаева, и в твердом «центральном бое». Для образчика приведем несколько эпиграмм на выдержку. Вот, например:

Общественные хапуны

Напрасно гласность жгучими хлыстами
Бичует их в столбцах газетного листа,
Они и пред судом, вертя хвостами,
Твердят, что совесть их чиста,
И называют «общими местами»
Нападки на «доходные места».

Бичуя постоянно разъедающий общество порок — взяточничество, Минаев обращает к любителям получать подношения с виду безобидный, но всем понятный намек, назвав свое посвящение «Многим»:

На Пасху, — такова привычка, —
Подносят яйца уж давно...
Принявши красное яичко
Порой, краснейте, как оно.

Несмотря на столь благоприятную оценку его дарования передовым обществом, Минаев уже больше никогда не сможет издать или переиздать сборника дум, песен и сатир.

В 1883 году произошла и важная перемена в личной жизни поэта: наконец-то он смог оформить развод с женой, которая давно уже стала не только ветреной, но и злобной женщиной, издевавшейся над ним и порочащей его творчество. С нею остались сын Митя и дочь Катя.

В это трудное время резко ухудшилось состояние здоровья Дмитрия Дмитриевича, и врачи указывали на необходимость лечения в Крыму или на юге Украины. К счастью, у него появилась добрая и верная помощница Екатерина Николаевна Худыковская — вдова врача, очень образованная женщина. Минаев, наконец, почувствовал настоящую поддержку близкого человека. Известный критик Н. К. Михайловский, случайно встретившийся в ту пору в Москве с Минаевым и Худыковской и проделавший вместе с ними и Глебом Успенским в одном купе железнодорожного вагона путь до Петербурга, с радостью заметил резкое и благотворное влияние на Дмитрия Дмитриевича изменения в личной жизни. После этой поездки Михайловский одно время жил по соседству с Минаевым и имел много случаев убедиться, какие у него «благородная душа и нежное сердце».

Дмитрий Дмитриевич навсегда порвал с литературной богемой и вообще стал подумывать о прощании с Петербургом. Он все чаще отдыхал и лечился на Украине. Особенно полюбилась ему Винница с ее мягкими ровным кли-

матом, приветливым народом и сравнительно невысокой стоимостью жилья и продуктов питания. Оттуда он писал 16 апреля 1887 года известному актеру М. И. Писареву: «В Петербурге я сам бываю теперь только наездом и большую часть года, по болезни (почек —Ж. Т.), живу на юге.,. Стар становлюсь и «вреден север для меня». Казалось, что поэт навсегда останется в Виннице, так как, по его словам, «лучшего уголка по климату и дешевизне» не знает. Однако, неожиданно даже для самых верных друзей, Минаев упаковывает свое небогатое имущество — главным образом книги и рукописи, возвращается с Екатериной Николаевной в Петербург, оттуда поездом через Москву едет до Нижнего Новгорода, а затем, пароходом по Волге плывет в Симбирск.

Что побудило Дмитрия Дмитриевича после 30-летнего проживания в Петербурге вернуться в родной город, где не осталось ни близких родственников (сестра Хия вместе с матерью жила в одном из селений Симбирской губернии), ни друзей юности, зато благоденствовали многочисленные потомки влиятельных лиц, беспощадно осмеянных им в «Губернской фотографии», и даже некоторые здравствовавшие ее «герои», хотя бы тот же бывший директор мужской гимназии штатский генерал И. В. Вишневский? Сам поэт объяснял друзьям, что в Симбирск он поехал «отдыхать и лечиться воздухом родины». И, наверное, где-то в потаенном уголке души теплилось желание, пройдя свой путь до конца, покоиться на кладбище у Волги, рядом с могилой отца...

Как бы то ни было, а в конце 1887 года Дмитрий Дмитриевич вместе с Екатериной Николаевной прибыл в родной город и вскоре приобрел на имя Худыковской на Нижне-Солдатской улице, поблизости от Свияги, «недвижимое имение». Оно включало в себя три деревянных флигеля, стоявших друг за другом на узком, вытянутом вглубину участке (8х52 сажени). И все это имение, принадлежавшее жене унтер-офицера И. П. Кимбальской, оценивалось налоговой комиссией городской думы в 100 рублей. Впрочем, такой же мизерной суммой оценивались и деревянные флигеля непосредственных соседей Минаева — коллежского регистратора С. П. Петрова и мещанки А. М. Андреевой.

Трудно однозначно ответить на вопрос, почему известный поэт решил обосноваться на довольно отдаленной от центра улице города, по существу уже окраинной, где обитали мелкие чиновники, отставные солдаты и мещане. Причин этому можно назвать несколько. Во-первых, Дмитрий Дмитриевич

уже привык за последние годы квартировать в примерно таких же городских усадьбах Винницы, которые почти ничем не отличались от сельского подворья. Хотелось уединения, тишины, постоянного общения с природой и домашней живностью. Определенное значение имело и то, что на Нижне-Солдатской домик с приличным садом и огородом стоил вдвое-втрое дешевле, нежели в дворянско-чиновничьих кварталах. Наконец, на Верхне-Солдатской улице (именовавшейся также Театральной, Новой или Бараньей слободкой) последнее десятилетие, до своего смертного часа, кочевал по частным квартирам Дмитрий Иванович. В любой день Дмитрий Дмитриевич мог пройтись к бровке волжского косогора, взглянуть на Духо-Сошественское кладбище — последнее пристанище отца и полюбоваться сверху величественной картиной могучей реки. Иногда спускался к Волге на извозчике.

Дмитрий Дмитриевич не мог не сделать первым шаг к восстановлению давно прерванных связей со своим домашним учителем Гавриилом Никитичем Потаниным. Четверть века назад у того тоже счастливо началась писательская деятельность, но потом, в силу ряда причин, он почти перестал печататься и писал больше для себя. Характер у Потанина был твердым, убеждений своих относительно устоев жизни и религии менять он не собирался, поэтому только первое свидание, на которое больной Минаев пришел к Гавриилу Никитичу, в дом Быковых на Бараньей слободке, было теплым и задушевным. При последующих встречах, уже у Минаева, произошли острые дискуссии, в ходе которых каждый отстаивал свои взгляды на прошлое и настоящее страны. Однако Потанин, заметив, как «его Митя» болезненно раздражается от каждого возражения, стал уклоняться от полемики. «Вот почему наши миролюбивые беседы были больше «в молчанку»,—вспоминал Гавриил Никитич, — сойдемся, обоймемся, посидим, помолчим и скажем: «до свидания!».

Поэт понимал, что «брайтова болезнь почек и общая водянка» — неизлечимы, и не надеялся на долгую жизнь. Во избежание недоразумений с наследством 14 сентября 1887 года он составил официальное завещание, согласно которому «деньги, если таковы окажутся», книги, а также «право литературной собственности» на все свои сочинения передавались в «полную и нераздельную собственность Е. Н. Худыковской.

При составлении завещания присутствовали Г. Н. Потанин и еще двое свидетелей: Павел Петрович Розанов, молодой адвокат, известный в городе как «человек-идеалист», любитель поэзии, и надворный советник Гавриил Федорович Каврайский, знакомый Минаева с детства.

Болезнь мешала поэту по-настоящему вникнуть в жизнь города и сблизиться с передовой частью общества. Но, вопреки установившемуся мнению, Дмитрий Дмитриевич жил отнюдь не как отшельник. Навещала его, а иногда месяцами жила в доме сестра Хия. Она охотно помогала Худыковской по хозяйству и в саду. В свою очередь Екатерина Николаевна старалась пополнить общеобразовательные знания девушки, которой в то время был уже 21 год. Восстанавливая в 1930 году события далекой поры, Хия Дмитриевна припомнила, что к брату довольно часто приходил Александр Сергеевич Бутурлин — революционный народник. Поклонник поэтов-«искровцев», он превосходно знал и высоко ценил минаевское творчество. Бутурлин навсегда сохранил в памяти услышанную из уст самого Дмитрия Дмитриевича эпиграмму:

Великий Петр уже давно
В Европу прорубил окно,
Чтоб Русь вперед стремилась ходко,
Но затрудненье лишь одно —
В окне железная решетка.

А. С. Бутурлин был накоротке знаком с лучшими врачами Симбирска, особенно с ссыльным доктором медицины Александром Александровичем Кадьяном, и очевидно, способствовал тому, чтобы Минаев воспользовался советами этого крупного специалиста, который еще в 1884 году, первым в России, сделал успешную операцию по удалению больной почки.

Дмитрий Дмитриевич приглашал к себе и доктора Ивана Сидоровича Покровского, сына декабриста, обладателя одной из лучших в городе библиотек, автора статей и фельетонов, печатавшихся в газетах Поволжья. Вспоминая об этих встречах четверть века спустя, Иван Сидорович продекламировал знакомым гласным в здании городской управы услышанный от сатирика экспромт «К портрету жареного поросенка»:

Прекрасно сделал, милый мой,
Что в молодых годах скончался,
Не то бы сделался свиньей
И той же участи дождался.

Небезынтересно, что А. А. Кадьян и И. С. Покровский многие годы были лечащими врачами семьи Ульяновых.

Навещал Д. Д. Минаева и Аполлон Аполлонович Коринфский — соученик Владимира Ульянова по первым шести классам Симбирской классической гимназии. В это время его фельетоны и стихи довольно часто печатались в «Самарской газете», «Волжском вестнике» и «Казанском биржевом листке». Но Коринфский все-таки был начинающим литератором и, конечно, считал за честь быть принятым в доме «короля рифмы». Во время их первой встречи разговор, естественно, начался с литературных новостей, но затем он перешел на дела симбирские. «Явился на сцену старый, но вечно-новый вопрос о «молодом поколении» и оказалось, — вспоминал Коринфский, — что старец-поэт, живший до конца дней своих традициями шестидесятых годов, глубоко интересовался тем, чем живет теперь молодая, подрастающая Россия, что волнует ее, чем собирается она служить и служит в данное время и т. д.

Узнав, что и у нас, в нашем глухом «медвежьем углу», есть небольшая хотя, но довольно тесно сплоченная кучка интеллигенции, — не той «интеллигенции», которую принято узнавать по платью и по выговору, а интеллигенции настоящей, в лучшем значении этого слова, — что кучка эта всеми силами стремится к самообразованию, выписывает в складчину журналы, читает и обсуждает их от корки до корки, спорит о «материях важных» и т. д., — узнав об этом Дмитрий Дмитриевич пришел в восторженное состояние, взволнованно заходил по комнате, жестикулируя и осыпая меня целыми потоками своего неподдельного юмора...».

В эту «тесно сплоченную кучку» помимо А. А. Кадьяна и ссыльных народоволок М. А. Гисси и Л. И. Соловьевой входили мастер кузнечного дела чувашской школы И. Я. Яковлева — П. А. Фадеев (у которого хранилась тайная гимназическая библиотека в годы учения Владимира Ульянова), бывший народный учитель В. И. Маненков, а ныне публицист «Самарской газеты», печатавшийся там под псев-

донимом «Старостин», а также несколько студентов (знакомых Александра и Владимира Ульяновых), исключенных из университетов за участие в «беспорядках». Словом, это была такая публика, которая всегда интересовала Дмитрия Дмитриевича, и он заявил Коринфскому о своем желании с ней познакомиться.

Минаев внимательно вникал и во все другие стороны жизни Симбирска, изредка бывал в театре и, уж конечно, в Карамзинской общественной библиотеке, которой жертвовал книги. Делая в 1888 году очередное пожертвование, Дмитрий Дмитриевич сопроводил его запиской: «Принося в дар Симбирской Карамзинской библиотеке роскошное иллюстрированное издание «Божественной комедии» Данте в своем переводе (три тома), при этом позволю себе выразить желание, чтобы эти книги были общедоступными решительно для всех желающих с ними ознакомиться». Эта записочка говорила о многом. Ведь цензура разрешила это издание бессмертного творения Данте с непременным условием, что оно будет «роскошным», дорогим, а, следовательно, и не доступным для малообеспеченных читателей из народа. Дмитрий Дмитриевич помнил об этом ограничении, но, как видим, игнорирует его при первом же удобном случае, оставаясь во всем и всегда демократом.

Иллюстрацией минаевской принципиальности служит его реакция на лестное предложение петербургского приятеля-писателя А. В. Эвальда о сотрудничестве в создаваемой им на паях с типографом большой газете. У Дмитрия Дмитриевича после переезда в Симбирск возможности публиковаться в столичной печати заметно убавились. Тем не менее, он счел нужным напомнить Эвальду, что в журналистике его «порок-нетерпимость» и никакими посулами жалованья и «разными прибавками» в «несимпатичную компанию» его не заманить. Комментируя этот ответ Минаева, Эвальд писал: «Это бы еще не беда, что он не сливался с нашими литературными кружками и держался особняком. Но он нажил себе немало врагов своим острым и ядовитым языком, преследуя неустанно тех из литературных наездников, которые... пользовались литературой, как средством для устройства своих мелких делишек».

Очевидно, из-за своей нетерпимости Дмитрий Дмитриевич теперь реже печатался даже в таких «своих» журналах, как «Осколки» Н. А. Лейкина и «Сверчок» братьев Вернер. И ведущим сатириком он оставался лишь в «Петер-

бургской газете», издававшейся его соавтором по пьесе «Кассир» С. Н. Худековым. В эту либеральную газету Минаев регулярно слал свои стихотворения, басни, фельетоны, эпиграммы, стансы, рассказы и драматические сцены, которые обычно подписывал псевдонимами «Майор Бурбонов» или «Общий друг».

В литературе утвердилось мнение, что, живя в Симбирске, Дмитрий Дмитриевич мало писал. Сохранившаяся же «Тетрадь с черновыми набросками» свидетельствует о скрупулезном соблюдении Минаевым своего творческого принципа: ни дня без строчки. Обычно он создавал около 40 стихотворных строчек, довольно часто — 60, а в иные дни 70—80. Можно смело сказать, что стихотворение «Белошвейке», написанное в доме на Нижне-Солдатской улице и появившееся в августе 1888 года в «Петербургской газете», — автобиографично:

Под крышей одной, как нарочно,
Живем мы, трудясь, что есть мочи,
Строчишь ты и денно и нощно,
Строчу я с утра и до ночи,
Взимая уплату построчно.
Мы оба строчим с тобой к сроку,
Конечно, не с равным успехом,
Но можем заметить со смехом:
Что-ж, «лыко не всякое в строку».

Удивительная широта творческих интересов поэта. Пожалуй, не было такого злободневного вопроса внутренней жизни России или политического события за ее пределами, которые бы в той или иной мере не затрагивались меткой, остроумной и жгучей сатирой его музы.

Поучительны в этом отношении драматические сцены «Старые знакомые», печатавшиеся осенью 1888 года в «Петербургской газете». Дмитрий Дмитриевич, искусно используя уже неоднократно испытанный прием, переместил героев грибоедовской комедии «Горе от ума» в 80-е годы. Вот какой диалог происходит между его Софьей Молчалиной и Чацким, встретившимися в вагоне поезда после долгой разлуки:

Софья.

Что-ж, мизантропом сделались?

Чацкий.

Почти,
А — главное — от общества бегу я.

Софья.

И от него спасение найти
В деревне надумали, с крестьянами толкуя.
Но разве лучше их среда?

Чацкий.

Да, лучше, потому, что проще. Навсегда
Среди простого, доброго народа
Освободился я от фарисейской лжи.
Предатели, льстецы, профессий всех ханжи,
Всех праздных болтунов подлейшая порода
Там не мозолит глаз, не пачкает мне рук
Пожатием своим; сошел я с этой сцены
И более не знаю прежних мук,
Плодов тоски, обмана и измены.

Дмитрий Дмитриевич с тревогой наблюдал рост милитаризма в Европе и без устали высмеивал князя Бисмарка, генерала Буланже и других любителей бряцать оружием и перекраивать международные границы. Вот минаевские строки из «Петебургской газеты» столетней давности:

В международных спорах
Решает дело порох,
А «яблоко раздора»
Всегда найдется скоро:
В Европе, как известно,
Лишь посмотри вокруг ты,
Где хочешь, повсеместно
Растут такие фрукты.

На склоне лет Дмитрий Дмитриевич значительно чаще, чем раньше, пробудет свои силы в прозе. Рассказы и повести, главным образом из деревенской жизни, с нескрываемым презрением к паразитическому существованию дворянства, он публиковал в «Книжках «Недели» — ежемесячном литературном приложении газеты «Неделя» — или от-

дельными изданиями. В 1887 году вышла как приложение к газете «Родина» книга, составленная из повести «Лишние чувства» и рассказа «Поневоле». Через год появилась в столице же небольшая книжечка «Шутники. Рассказ Дм. Минаева».

Насколько это было возможно, Дмитрий Дмитриевич принимал участие в изданиях, осуществляемых на общественных началах: в столичных сборниках «Памяти Гаршина», а также задуманном А. А. Коринфским в пользу поволжского общества литераторов и ученых сборнике «Зарницы». Кстати, стремясь помочь начинающему поэту в осуществлении литературных планов, Минаев дал Аполлону Аполлоновичу рекомендательные письма к Глебу Успенскому и Н. К. Михайловскому.

* * *

В апреле 1889 года почечные приступы у Дмитрия Дмитриевича участились и приняли еще более болезненный характер. Но и угасая, он старался поддерживать бодрость духа, а когда становилось лучше, возобновлял работу. Его «лебединой песней» стали переводы эпиграмм римского поэта-сатирика Марка Валерия Марциала, которого высоко ценили Михаил Ломоносов, Александр Пушкин. Мечтал Минаев написать воспоминания о былом, встречах и знакомстве с замечательными людьми.

Екатерина Николаевна, как могла, помогала лечиться любимому человеку, соблюдала предписания врачей о диетическом питании, создавала в доме максимально возможный покой и уют. А когда газеты сообщили о кончине «великого сатирика земли русской» М. Е. Салтыкова-Щедрина, перед талантом которого Минаев преклонялся, она старалась скрыть от него это печальное известие, опасаясь, чтобы оно окончательно не подкосило Дмитрия Дмитриевича. «Но можно ли было достичь этим желательных результатов, когда в течение целого месяца во всех газетах только и писалось о Щедрине, — вспоминал А. Коринфский. — Прочитав в какой-то газете некролог гениального сатирика, Дмитрий Дмитриевич до такой степени взволновался, что упал в обморок...».

Через несколько недель болезнь стала как бы ослабевать, и Минаев снова брался за свои тетради. Когда все мало-помалу вошло было в свою колею и больной по совету врачей уже собрался ехать на юг, новый приступ, слу-

чившийся в ночь с 9 на 10 июля, положил всему конец. Дмитрия Дмитриевича не стало...

На третий день, в среду 12 числа, состоялись похороны известного поэта и гражданина. И особенно печально они выглядели оттого, что их игнорировало симбирское общество. Ни одно государственное или общественное учреждение не прислало ни венка, ни представителей. Даже Карамзинская библиотека, которой Минаев дарил книги, или, скажем, классическая гимназия, в стенах которой на благотворительных концертах еще в 60-х годах читались его стихи, уклонились от отдания почестей поэту-земляку. Кроме Е. Н. Худыковской, в последний путь Д. Д. Минаева проводили всего трое истинных почитателей его таланта — Аполлон Коринфский, Василий Старостин (Маненков) и Павел Розанов, несколько старушек-соседок, хор из 7—8 певчих, столько же нищих-оборванцев, несколько извозчиков да церковный причт.

«После отпевания в Богоявленской церкви, — сообщалось в «Симбирских губернских ведомостях» 19 июля, — тело на катафалке было перевезено на старое кладбище, под горой, где прежде находилась церковь Сошествия Святого духа; здесь рядом с могилою отца покойного, тоже поэта, Дмитрия Ивановича, положен прах сына, под большим развесистым вязом, под сенью которого, как сохранилось предание, постоянно отдыхал отец покойного, во время прогулок по берегу Воложки (широком протоке Волги. — Ж. Т.). Местность живописная: с одной стороны тянутся сады, которые понижаясь по склону горы, прилегают к южной окраине города, а по другую сторону катит свои волны Воложка. Между садами и рекой расстилается равнина, на которой, на некотором возвышении, расположено кладбище: во время весенней полой воды равнина заливается водою, а кладбище представляет островок с надгробными памятниками».

Это «местное известие» полуслужебных «Ведомостей», выходивших под цензурой губернского начальства, носило характер информационной заметки. В печати же других городов Поволжья, особенно в частных газетах, давалась характеристика творческой деятельности Минаева, высказывалось порицание невниманию, которое было проявлено симбирской общественностью к памяти выдающегося земляка. Так, А. Коринфский, с грустью обрисовав 26 июля 1899 года в «Самарской газете» картину похорон поэта-сатирика, особо подчеркнул, что это — человек, «который всю свою жизнь работал

для русского общества, живо откликался на самые жгучие вопросы и, умирая, твердил одно: «наше общество»... «наша молодежь», — точно весь он без остатка принадлежал «нашему обществу», точно в душе его не было уголка «своему».

Выступая в «Казанском биржевом листке» (1889, № 184), А. Коринфский в еще более резкой форме осудил бездушное поведение симбирской интеллигенции к отданию последних почестей Минаеву, которая тем самым как бы расписалась в отречении «от всех своих принципов и убеждений». Вместе с тем симбирский публицист высказал серьезные упреки Н. К. Михайловскому, Г. И. Успенскому, С. В. Максимову и другим столичным друзьям покойного Дмитрия Дмитриевича, которые не дали отпора злобным нападкам фельетонистов бульварной прессы на Минаева и не выступили с собственными некрологами. «Таким образом поэт, всю жизнь свою посвятивший служению родной литературы, поэт — бывший в продолжение не одного десятка лет душою лучших литературных кружков и сохранивший до конца жизни традиции лучшего прошлого, поэт, произведения которого... служили украшением передовых журналов, обойден как своими сотчичами (симбирцами), так и (как ни странно это!) собратьями по литературе».

Замечу, что Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко и некоторые другие столичные публицисты, близко знавшие Минаева, со временем откликнутся о Минаеве как о писателе «бесспорно талантливом», «написавшем до 50 томов стихов и прозы», литераторе, никогда не «забывавшем лучших литературных преданий и стремлений», каравшим своим звучным словом, отточенным стихом «все пустое, рутинное и гнетущее». Да, в лице Дмитрия Минаева небольшая когорта ветеранов-шестидесятников потеряла одного из ярких и верных бойцов. Не случайно, что Н. Г. Чернышевский, узнав о его кончине, с глубокой печалью вымолвил: «Ну, вот, и Митя умер!»...

Конечно, чувства искреннего сожаления испытывали и почитатели и земляки Минаева Ульяновы, жившие уже в Самаре. Среди некрологов и статей о покойном поэте не могли не привлечь их внимания материалы в самарской и казанской газетах, принадлежавшие перу знакомых-симбирян А. Коринфского и В. Старостина (Маненкова).

Интерес Ульяновых к личности и творчеству поэта-сатирика имел глубокие корни. В статье «Поэты «Искры» Надежда Константиновна Крупская об этом писала так: «Име-

на В. Курочкина, Дмитрия Минаева, Пушкарева, Жулева мало известны современной молодежи, историки литературы о них не упоминают, а между тем, они имели очень сильное влияние на поколение, к которому принадлежал В. И. Ленин». Считая, что поэты «Искры» должны войти в учебники, она поясняла: «В них очень много сатиры, бичующей житейскую пошлость, мещанство, прислужничество, взяточничество, барство. Может быть, многие из этих стихов не отличаются особой глубиной; это не классики, но они делают ближе, понятней всю эпоху 60-х, 70-х годов в целом, они учат всматриваться в жизнь, разбираться в людях».

В известной статье «Детство и ранняя юность Ильича» Н. К. Крупская вновь возвращается к этой теме, но уже в непосредственной связи с кругом чтения детей в семье Ульяновых в Симбирске: «Старшие увлекались поэтами «Искры»... Особенно много стихов поэтов «Искры», легальных и нелегальных, знала Анна Ильинична, сама писавшая стихи. Она помнила их всю жизнь... Меня удивило, когда мы были с Ильичем в ссылке в Сибири, какое количество стихов поэтов «Искры» он знал.

Обывательских сплетен, пустопорожней болтовни, которую так высмеивали поэты, не терпел Ильич, как и его старший брат — Александр».

Наконец, в статье «Музей Ленина и его филиалы» Надежда Константиновна еще раз подчеркивает, что «книги Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Некрасова, произведения поэтов «Искры» — та литература, те стихи, которые с детства слышал Ильич от отца, от старшей сестры и старшего брата... Эта литература имела громадное влияние на Ленина с очень ранних лет».

В симбирскую пору со стихами «искровцев» дети Ульяновых знакомились по хрестоматии «Русские поэты в биографиях и образцах» Н. В. Гербеля, которую, по свидетельству Анны Ильиничны, они «читали и перечитывали» и из которой заучивали наизусть отрывки. Именно в этой хрестоматии они читали биографические очерки об отце и сыне Минаевых, а также избранные их стихотворные произведения. Одно из пяти стихотворений Дмитрия Дмитриевича, вошедших в хрестоматию, — «Вечная невеста» настолько высокохудожественно и содержательно, что заслуживает воспроизведения полностью.

Молода, бессмертна, как природа,
Как невеста, сходит в мир свобода.
Перед ней — благоговейно-тих —
Мир не раз склонялся, как жених,

И не раз меж них — земле казалось —
Обрученья тайна совершалась —
И в виду священных, вечных уз
Близок был божественный союз.

На челе богини новобрачной
Был покров таинственно-прозрачный;
Но при виде брачного венца
Жизнь сбегала с гордого лица,
И, с себя роняя покрывало,
Каждый раз невеста исчезала...

И до ныне сходит в мир она,
Целомудрием своим защищена,
Оставаясь вечно для вселенной
Недоступной, чистой и нетленной.

В домашней библиотеке Ульяновых поэт-земляк, безусловно, был представлен, хотя бы, скажем, сборником «Чем хата богата», который Илья Николаевич разрешил в 1883 году приобрести для симбирского 3-классного училища. В минимум минаевского творческого наследия, с которым юные Ульяновы знакомились в Симбирске, вероятно, входит сборник «Думы и песни», подаренный автором Карамзинской библиотеке в 1864 году. Не подлежит сомнению и то, что с некоторыми сочинениями В. Гюго и Ж. Б. Мольера, Г. Гейне и И. Гете, Д. Байрона и П. Шелли, А. Мицкевича и других европейских классиков литературы, Ульяновы познакомились по переводам Минаева, печатавшимся в «Отечественных записках», «Деле», «Вестнике Европы», которые они регулярно читали.

Уже только за то, что Д. Д. Минаев является одним из тех художников слова, чьи творения оказали громадное влияние на юного Владимира Ульянова, его братьев и сестер, на всю передовую Россию, он достоин благодарной памяти и глубокого уважения.

Но творчество поэта-демократа и горячего патриота своей Родины пользуется успехом и у читателей нашего времени. Томики его стихотворений не залеживаются ни на

прилавках книжных магазинов, ни на полках общественных библиотек.

Жизнь показала, что как талантливый экспериментатор в области стихотворного языка и непревзойденный «король рифмы», Дмитрий Дмитриевич стал прямым предшественником и учителем многих современных мастеров слова. Но острая сатира Минаева, в силу, мягко говоря, недооценки ее в предшествующие годы сталинизма и застоя, еще ждет своих исследователей и пропагандистов и должна по-настоящему послужить борьбе за утверждение в нашей жизни высоких гражданских идеалов и коммунистической нравственности.

Трофимов Жорес Александрович

Д. Д. МИНАЕВ И СИМБИРСК

Редактор **С. П. Волошин.**

Сдано в набор 31.07.89. Подписано в печать 04.09.89. ЗМ 00209.
Формат 60x84 1/16. Бумага писч. бел. Гарнитура литератур. Печать высокая.
Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-отт. 3,0. Уч.-изд. л. 2,8.
Тираж 3000. Заказ № 5343. Цена 30 коп.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15
Ульяновское отделение. 432600, Ульяновск, ул. Гончарова, 52
Облтипография УОППО упрполиграфиздата Ульяновского облисполкома.
432061, Ульяновск, ул. Пушкарева, 13.

30 к.

[illegible] 15 коп.